

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Интегративность науки: дань моде или насущная необходимость? (к вопросу об объекте современных исследований)

© доктор филологических наук В.В. Красных, 2012

В последнее время в области гуманитарных наук все большее распространение получают исследования интегративного характера, что предопределяется тем, что сегодня трудно рассматривать некий феномен (в самом широком смысле этого слова), не учитывая того, что делается на «сопредельных территориях». В настоящей статье я постараюсь показать один из возможных вариантов самого общего объекта такого рода изысканий. И начну я с понятия, которое в наши дни занимает все большее место в филологических исследованиях, хотя изначально оно входило в сферу интересов других наук: социологии, психологии и др. Это понятие – «сообщество».

По концепции Б. Андерсона, *СООБЩЕСТВО* (воображаемое / воображенное сообщество – *imagined community*) есть некое множество (группа / совокупность) людей / личностей, объединенных общением, ибо «сообщество» не от слова «общий», но от слова «общение» (*community – communication*). Данное понимание нуждается в некоторых комментариях. Во-первых, «оно *воображенное*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих сограждан-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [Андерсон. ЭР]. Во-вторых, сообщество создается и цементируется *в процессе общения* (коммуникации), благодаря общению сохраняется, через общение трансформируется.

При этом крайне важно всегда иметь в виду, что общение никогда не бывает «просто так»: у него всегда есть причина. Это мотивы, потребности, цели и под., т. е. почему я вступаю в общение и зачем я это делаю. Иначе говоря, *в основе сообщества лежат потребности, мотивы, цели его представителей*. При этом сообщество обретает свои основы и, с одной стороны, воспроизводит себя, с другой – изменяет именно в процессе коммуникации.

КОММУНИКАЦИЯ (общение) есть процесс взаимодействия личностей, основной целью которого является воздействие. Последнее может иметь различный характер: *непосредственное спонтанное воздействие* («здесь и сейчас»), призванное вызвать непосредственную мгновенную реакцию (физическую, ментальную, эмоциональную; как пра-

вило, в сочетании), наблюдается в непосредственном живом общении; *опосредованное воздействие*, призванное вызвать реакцию (физическую, ментальную, эмоциональную; опять же, как правило, в сочетании), возможно, отдаленную во времени и пространстве (от рекламы до художественной литературы). Воздействие связано с *двойным картированием образа мира реципиента (адресата)*: наличного (что есть) и желаемого (что должно быть) (сегодня это уже очевидный факт для психолингвистики).

При этом следует иметь в виду, что воздействие может выступать в *явной и неявной* форме. Если воздействие основано на *апелляции к «рацио»* реципиента путем предъявления ему ряда логических построений, аргументации, доводов, что естественно предполагает интеллектуальную активность самого реципиента, поскольку ему необходимо в данном случае осмыслить полученную информацию и прийти к самостоятельным выводам (в том числе принять или отвергнуть предлагаемое утверждение), то в таком случае мы имеем дело с УБЕЖДЕНИЕМ. Если же воздействие строится на *апелляции к эмоционально-чувственной сфере* реципиента, в «обход» его интеллекта, то речь идет о ВНУШЕНИИ. В последнем случае *имплицитное* воздействие выступает как МАНИПУЛЯЦИЯ. Об этом противопоставлении убеждения и внушения еще в 1903 г. писал В.М. Бехтерев, считавший, что внушение, независимо от того, с помощью каких знаков оно производится, всегда «влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу без соответствующей переработки, благодаря чему происходит настоящее прививание идеи, чувства, эмоции или того или иного психофизического состояния» [Бехтерев. ЭР]. При этом «внушение, в отличие от убеждения, проникает в психическую сферу помимо личного сознания, входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь здесь, как всякий предмет пассивного восприятия» [Там же]. Мы увидим, насколько важным для нас окажется разграничение убеждения и внушения в ходе дальнейшего разговора, когда мы будем говорить, в частности, о том, как формируются, транслируются, трансформируются ценности сообщества.

Крайне важным является для нас также положение о том, что «деятельность человека включена в *общение* даже в тех случаях, когда внешне он остается один» [Леонтьев, 1961: 14]. Общение же всегда происходит на фоне широкого *историко-социо-культурного контекста* и в кругу того или иного *сообщества*. Таким образом, важнейшими факторами, предопределяющими процесс КОММУНИКАЦИИ, оказываются сами КОММУНИКАНТЫ (говорящий-автор и реципиент-адресат), СООБЩЕСТВО / СООБЩЕСТВА, которому / которым они при-

надлежат, КУЛЬТУРА, представителями которой они выступают, и ЯЗЫК данной культуры, носителями которого они являются. Исходя из этого, можно утверждать, что «языковое сообщество» (*language community*) есть не просто совокупность людей, говорящих на одном языке, но, поскольку языком всегда стоит культура (вспомним в связи с этим работы В. фон Гумбольдта и его последователей), но *сообщество личностей, говорящих на языке одной культуры*.

Итак, *сообщество формируется в процессе коммуникации его представителей, являющихся носителями определенного языка и культуры*. В силу всего сказанного становится вполне очевидным, что сообщество *всегда обладает лингвокультурной спецификой*.

Если посмотреть на данное единство с другой стороны, то мы увидим, что, там, где есть личности, обладающие общим языком и единой культурой и вступающие в коммуникацию, рано или поздно образуется сообщество. Общность языка (от национального до социолекта) и единство культуры (от национальной до субкультуры) являются условием необходимым и достаточным (хотя и НЕ единственным) для формирования некоторого сообщества посредством коммуникации. Как правило, такого рода сообщества образуются уже на основе общности языка и культуры (подавляющее большинство групп, в которые каждый из нас входит: семья; приятели детства; друзья, с которыми учился; знакомые, увлекающиеся тем же, что и мы; люди, для которых один язык и одна культура являются родными; и т. д.). Но при этом, конечно, нельзя забывать и то, что общий (для данного сообщества) язык как система знаков и единая (для данного сообщества) культура как некоторое мировидение сами по себе могут складываться в процессе общения (представим себе группу прежде незнакомых людей, носителей разных языков и культур, которые волею судеб оказались заброшены на необитаемый остров и вынуждены отныне сосуществовать в пределах ограниченного пространства, вспомним фильм “Lost”, в русском прокате «Остаться в живых»; кроме того, всем нам знаком Робинзон Крузо с его верным Пятницей – тоже любопытный пример формирования и существования минисообщества). Так по-разному могут образоваться сообщества самого разного «масштаба»: от семьи, однокашников и группы любителей домино, живущих в одном доме, до профессионального, конфессионального или этнического «объединений».

Совершенно очевидно, и сегодня это уже «общее место» для специалистов, что каждый человек-личность входит одновременно в целый ряд сообществ (от микро- до макро-: от узкогруппового, семейного до конфессионального, национального и под.). При этом именно «через» множество сообществ «меньшего» масштаба личность входит в сообще-

ства более высокого уровня. Так, через семейное, различные «дружеско-приятельские», разнообразные «корпоративные» сообщества человек-личность входит в свое этническое и национальное сообщества, через которые – в глобальное сообщество, под названием человечество. Об этом, кстати, писал еще в 1938 г. Н.А. Бердяев: «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин. Человек не может перескочить через целую ступень бытия, от этого он обеднел бы и опустел бы. Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и есть черты индивидуально-национальные» [Бердяев. ЭР].

Эта множественность «социумной принадлежности» проявляется, в частности, в том, что человек по-разному строит свое коммуникативное, в том числе – и собственно речевое, поведение. Правда, возможно это в том случае, если человек-личность действительно является полноценным представителем разнообразных сообществ, а это значит, что он владеет – помимо прочего – коллективными когнитивными пространствами данных социумов. И язык здесь опять оказывается крайне важным, т. к. именно язык есть и канал, и инструмент социализации и межпоколенной трансляции культуры, о чем мы говорили, именно язык может выступать в роли своеобразного показателя (индикатора) принадлежности тому или иному сообществу. И благодаря тому, что человек говорящий, человек-личность владеет разными языками (от национальных до социолектов), он может, как писал О.М.Ф. Розеншток-Хюсси, «в каждый данный момент раздвигать границы внутреннего пространства, делая его все более и более емким. Роза всегда остается розой. Человек же принадлежит к ряду сообществ различной численности и предназначения – семье, городу, расе, цивилизации, церкви, роду человеческому – в той мере, в какой он творчески относится к языку этих сообществ» [Розеншток-Хюсси, 1994: 58].

И еще одно принципиально важное замечание. Следует особо подчеркнуть, что этническое или национальное сообщество не всегда «больше» иного: так, например, конфессиональные сообщества (христиан, мусульман, буддистов и др.) явно выходят за границы некоторого отдельного этноса или какой-либо нации. То же справедливо и по отношению к ряду профессиональных сообществ (напр., всемирная организация «Врачи без границ» и под.).

Применительно к России мы говорим о НАЦИОНАЛЬНО-ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ, т. к. российское сообщество (помимо того, что, как всякое крупное сообщество, формируется различными социумами-сообществами: от семейного до генерационного и под.) является полиэтничным и мультикультурным. На формирование национально-

лингво-культурного сообщества оказывают влияние определенные лингвокультурные факторы, в силу чего само сообщество обладает соответствующими характеристиками / чертами, которые воспроизводятся внутри данного сообщества в процессе коммуникации.

Первый компонент термина («НАЦИОНАЛЬНО») необходимо требует определиться (в самых общих чертах, ибо не это является основным предметом нашего разговора) с термином «НАЦИЯ». В данном случае мы снова можем обратиться к идеям уже упоминавшегося Б. Андерсона, который считал, что нация «воображается как *сообщество*, поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество. В конечном счете, именно это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения» [Андерсон. ЭР]. Нельзя не заметить, что подобные идеи еще в 1938 г. высказывал и Н.А. Бердяев: «Национальность есть положительное обогащение бытия, и за нее должно бороться, как за ценность. Национальное единство глубже единства классов, партий и всех других преходящих исторических образований в жизни народов» [Бердяев. ЭР].

Второй компонент термина («ЛИНГВО») самым непосредственным образом связан с тем, что *коммуникация*, в процессе которой, как мы говорили, сообщество формирует, воспроизводит, реализует себя, обязательно *осуществляется на* некотором языке – *языке данного сообщества*.

Последняя часть термина («КУЛЬТУРНОЕ») заслуживает более подробного разговора, и оттолкнемся мы в наших рассуждениях от того понимания «культуры», которое мы находим в работах Ю.М. Лотмана. Итак, *КУЛЬТУРА* есть текст, но текст сложно организованный; она есть «форма общения между людьми», которая «возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются, <...> культура имеет, во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу» [Лотман 1994: 6]. Итак, культура самым непосредственным и самым тесным образом связана с коммуникацией (это «форма общения») и имеет особую природу. При этом, как известно, общение невозможно без единства знаков и значений, источником же происхождения таковых является именно культура, которая, помимо всего прочего, предписывает также и их употребление. Таким образом, мы подходим к тому совершенно очевидному факту, что язык без культуры немислим, равно как и культура не может существовать без естественного человеческого языка (о чем писали очень многие, напр., В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Э. Сепир и др.). *Символическая природа* культуры, по

Ю.М. Лотману, обусловливается тем, что за знаками, которыми обмениваются личности в процессе общения, всегда стоят смыслы, открытые для своих и закрытые для других (см. культуросносные смыслы языковых единиц, ритуалов, артефактов и под.).

Следовательно, мы имеем две важнейшие функции культуры: конгломерирующую (объединяющую «своих») и дифференцирующую (отграничивающую «своих» от «иных – других – чужих»). Именно эти две основополагающие функции культуры, как правило, находятся в фокусе внимания, когда речь идет о межкультурной коммуникации.

Из данных функций естественным образом вытекает еще одна – идентифицирующая (зд.: устанавливающая принадлежность кого-либо или чего-либо данному сообществу; например, либо «я / ты свой, это наше», либо «я / ты иной / другой / чужой, это не наше»). Благодаря данной функции возможна культурная идентификация и самоидентификация личности, а также культурная идентификация того или иного феномена (в самом широком смысле: от предмета до события). Под культурной идентификацией личности в данном случае имеется в виду «опознавание» личности как представителя некоторого сообщества. Так, возможно определение места личности на шкале «свой – чужой» некоторым сообществом, к которому себя данная личность причисляет или, напротив, не причисляет (см., к примеру, распознавание «своего» в группе, в толпе; выявление «иного / другого / чужого» и неприятие его как «своего», несмотря на все его старания и декларации; и т. д. и т. п.). Другой вариант культурной идентификации личности – приписывание личности той или иной культурной принадлежности (напр., «по-моему / судя по всему, он итальянец», «это точно были англичане», «тебе звонил какой-то иностранец, кажется, немец» и под.). Для культурной идентификации крайне важным оказывается целый ряд факторов (от паттернов поведения до ценностных установок личности), среди которых далеко не последнее место занимает язык (вспомним Э. Сепира: «он говорит, как мы, значит, он наш» [Сепир, 1993: 232]). Культурная самоидентификация понимается как *определение личностью своей принадлежности тому или иному сообществу*. Следует отметить, что культурная идентификация и культурная самоидентификация могут как совпадать (обычная ситуация при общении, например, представителей одного и того же сообщества), так и не совпадать (например: эмигрант «непервого» поколения причисляет себя к лингво-культурному сообществу своих предков, но представители данного сообщества воспринимают его как «иного / другого / чужого»). Культурная идентификация феномена может рассматриваться как *определение принадлежности конкретного фено-*

мена той или иной культуре, некоторому сообществу, в том числе возможно и расположение данного феномена на шкале «свой – чужой» (напр., «это абсолютно русский роман, хотя его автор – француз», «это абсолютно нерусское поведение» и под.).

И еще одна, не менее значимая, функция культуры – легитимирующая («узаконивающая», придающая феномену статус признанного / принятого / достойного, оправдывающая и утверждающая его необходимость). Данная функция непосредственно связана с системой ценностей, оценок, ценностных установок и под. того или иного сообщества. В качестве примера можно привести санкционированные сообществом паттерны (модели) поведения (что делать допустимо / возможно / желательно / обязательно; что достойно / недостойно и т. д.). Например, в одних культурах допустимым, желательным или даже обязательным и тем самым вполне достойным может считаться открытое выражение своих эмоций (см. в русской культуре – *безжизненное выражение лица, лицо как окаменело* и под.), а в других – их демонстрация оценивается как недопустимое и недостойное поведение (напр., в японской культуре).

Легитимирующая функция культуры самым непосредственным образом связана с созданием сообществом системы эталонов (не только положительных, но и отрицательных), в том числе через утверждение конкретного реестра эталонов. Например, в русской культуре: эталон «далекости» – *на край / краю света, к черту на рога, за тридевять земель, куда Макар телят не гонял*; эталон ума – *Сократ*; эталон мудрости – *Соломон* (см. *соломоново решение*); эталон глупости – *курица* (см. *куриные мозги*) и под.

Формирование системы эталонов может идти путем «узаконивания» в качестве эталонных определенных событий, деяний и поступков (напр., *гибель «Титаника»* или *предательство Иудой Христа*; кстати, в советское время такого рода эталоны были достаточно хорошо представлены в русской культуре: *поступок Павлика Морозова, рекорд Алексея Стаханова, подвиг Александра Матросова* или *Зои Космодемьянской* и т. д. и т. п.). Становление системы эталонов предполагает также и «назначение» на роль эталонных носителей качеств, свойств, признаков и под. тех или иных феноменов: определенных персонажей – исторических (*Пушкин, Суворов, Моцарт, Эйнштейн* и под.); литературных (*Обломов, Дон Жуан, Ромео и Джульетта* и под.); фольклорных (*Колобок, Баба Яга, Кощей Бессмертный* и под.); живых существ (*лиса, змея, пиявка, акула, клещ* и под.); растений (*дуб, роза*); предметов, вещей и проч. (*камень, железо, песок, лед* и под.); и т. д. и т. п.

В целом можно сказать, что через одобрение / неодобрение сообществом тех или иных качеств, свойств, признаков, событий, дейст-

вий, поступков, через навязывание отдельным представителям определенных оценок, через принуждение к соблюдению определенных правил и к следованию определенным паттернам сообщество создает / сохраняет / трансформирует свою систему и иерархию ценностей, которые являются неотъемлемой составляющей любой культуры.

Список функций культуры, конечно же, не исчерпывается указанными функциями, но в данном случае для нас оказываются принципиально важными именно они: когломерация, дифференциация, идентификация, легитимация.

На формирование сообщества (равно как и на саму культуру) оказывают принципиально важное влияние разнонаправленные процессы:

- 1) МЕЖПОКОЛЕННАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ культурных ценностей, традиций, запретов и предпочтений;
- 2) СОЦИАЛЬНОЕ НАВЯЗЫВАНИЕ в качестве обязательных ценностей, оценок и представлений;
- 3) ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ к принятию определенных моделей и к соответствию и следованию данным моделям (в том числе и поведенческим), санкционированным обществом и рассматриваемым в качестве образцовых.

Указанные процессы зачастую вступают в противоречие друг с другом. Так, например, культурные ценности, традиции, системы запретов и предпочтений, межпоколенная трансляция которых скрепляет сообщество в «диахроническом» плане, могут быть диаметрально противоположны тому, что навязывается и/или к чему принуждаются члены данного сообщества. При этом «предметы» транслирования, навязывания и принуждения могут абсолютно по-разному оцениваться с точки зрения того, что есть «достойно / недостойно», «обязательно / необязательно», «желательно / нежелательно», «возможно / невозможно», «допустимо / недопустимо». Хрестоматийным примером в данном случае может служить *Павлик Морозов* (прецедентное имя). В советское время это историческое лицо позиционировалось как пионер-герой, совершивший подвиг и погибший от рук врага, т. е. ему приписывалась максимально высокая оценка. Образцовой моделью поведения в данном случае служила готовность поставить общественное выше личного (к чему постоянно призывала советская пропаганда) и отдать свою жизнь во имя идей социализма и победы светлого будущего. Имя Павлика Морозова было первым занесено в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина, его именем назывались колхозы, школы, пионерские дружины, клубы, улицы, о нем слагались стихи и песни. Представление «*Павлик Морозов – юный герой*» явилось результатом социального навязывания и идеологического принуждения и могло бы, вероятно, со временем стать предметом межпоколенной трансля-

ции, если бы не изменилась идеология. Это с одной стороны. Но с другой – даже в советские годы бытовало представление о Павлике Морозове как о предателе отца и своей семьи в целом, как об отцеубийце. И это представление с точки зрения традиционных ценностей русской культуры никак не могло оцениваться положительно и поэтому совершенно очевидно входило в явное противоречие с официальной, принудительной и навязываемой советской идеологией оценкой. В 90-е годы началось социальное навязывание оценок, принципиально отличных от советских, близких к традиционным представлениям. Очень показательны в этом плане следующие примеры:

И появляется достойнейший образец для подражания – двенадцатилетний предатель **Павлик Морозов**, «геройски павший в классовой борьбе», удостоенный за своё предательство памятников, портретов, прославленный в песнях и стихах, на которых будут воспитываться следующие поколения. **Павлик Морозов**, которого и сегодня миллионы советских детей славят за то, что он донёс на собственного отца и деда. Как в гитлеровской Германии учили немецких детей доносить на своих родителей, так и у нас в России начали сознательно воспитывать поколение стукачей, уже начиная со школы. *Г.П. Вишневецкая, Галина. История жизни.*

Тем не менее, мало кто хочет видеть в себе Иуду Искариота – уж лучше признать наличие в своём «я» природы человекоубийцы, Каина, чем столь подлого предателя! Так ли это? Неужто вы никогда не предавали себя или ближнего? *Нет среди нас Павлика Морозова? Ст. Вершинин, Смертный грех Иуды.*

Тема: **Павлик Морозов** современности. Сын главы УФСБ получил срок за попытку <заказать> отца. <...> По данным следователей, Антон Жирнягин хотел убить отца и брата из корыстных побуждений и получить квартиру и деньги чиновника. <http://talks.guns.ru/forum/103/731702.html>

Указанные процессы, влияющие на сообщество, культуру, на самого человека, на его язык и его коммуникативное поведение, могут реализовываться либо путем убеждения (что реже; см., напр., официальные советские оценки *Брестского мира* или *первых дней Великой отечественной войны*), либо путем внушения (что чаще; так складывался, например, у советских детей образ *добротного дедушки Ленина*), включая и манипулирование. Сразу надо сказать, что в официальной пропаганде, в распространении и «внедрении в массы» той или иной идеологии, как правило, используются и сочетаются разнообразные приемы (и убеждения, и внушения), что всегда призвано служить главной цели – созданию некоего мифа.

Сейчас же отметим то, что СОЦИАЛЬНОЕ НАВЯЗЫВАНИЕ и ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ в большей степени работают на *формирование и трансформацию* как культуры, так и сообщества. В то время как

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ культурных ценностей, традиций, запретов и предпочтений способствует *сохранению* культуры и сообщества, поскольку составляет суть социализации личности. Происходит и навязывание, и принуждение, и трансляция культуры в коммуникации (без коммуникации человек не может стать личностью, и именно в коммуникации человек живет как личность). При этом для навязывания и принуждения коммуникация – это то, в чем и посредством чего они реализуются, для межпоколенной трансляции культуры коммуникация – это то, в чем и посредством чего культура себя транслирует / сохраняет / трансформирует. Следовательно, *коммуникация – это одновременно среда, канал и средство-способ* как осуществления социального навязывания и идеологического принуждения, так и «жизня» самой культуры. При этом *основным* (хотя и не единственным) *каналом-инструментом формирования личности* как члена определенного сообщества (в том числе через трансляцию, навязывание, принуждение) является *язык*.

Когда мы говорим о личности как представителе сообщества, мы, вслед за психологами, всегда имеем в виду социализованного члена сообщества, т. е. прошедшего процесс социализации. *Основным содержанием процесса социализации* является МЕЖПОКОЛЕННАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРЫ (ее ценностей, оценок, установок, традиций, запретов, предпочтений и т. д., и т. п.). Однако социализованная личность не есть раз и навсегда застывшая данность: человек-личность постоянно меняется в процессе бесконечного накопления прижизненного опыта и под влиянием множества факторов: от событий сугубо личной жизни до изменений общего историко-социо-культурного контекста. К факторам, предопределяющим изменения личности, относятся также и СОЦИАЛЬНОЕ НАВЯЗЫВАНИЕ, и ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ, которым человек оказывается подвержен на протяжении всей своей жизни.

Применительно к самому человеку это значит, что происходит ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ (т. е. освоение, усвоение, присвоение человеком-личностью) совокупности знаков, значений, интересов, целей, установок, оценок, знаний и т. д., и т. д. Причем происходить этот процесс интериоризации может разными путями, которые никогда не встречаются сами по себе, в изолированном виде, но всегда сочетаются, переплетаются, зачастую поддерживают и дополняют друг друга, но подчас вступают в явные противоречия и даже конфликты (равно как и процессы, влияющие на формирование сообщества). Итак, интериоризация происходит:

- 1) в процессе *социализации* (через и в результате убеждения и внушения);

- 2) путем *осознанного принятия* (в результате убеждения);
- 3) через *навязывание повтором* (в результате внушения, в первую очередь – манипуляции); в данном случае возможно «перемещение», причем только слева направо, по цепочке: «чуждое» → «чужое» → «иное» → «другое» → «свое».

Данная, освоенная, усвоенная и присвоенная человеком-личностью совокупность знаков, значений, интересов, целей, установок, оценок, знаний и т. д. лежит в основе, с одной стороны, САМОИДЕНТИФИКАЦИИ личности как члена определенного сообщества, а с другой – ИДЕНТИФИКАЦИИ данной личности как «своего» или «чужого» со стороны того сообщества, к которому данная личность себя причисляет. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с идентифицирующей, а значит, и с дифференцирующей и конгломерирующей функциями культуры.

Говоря о межпоколенной трансляции культуры, мы отталкиваемся от идеи представителей Московско-Тартуской семиотической школы, что *КУЛЬТУРА* может рассматриваться как «*ненаследственная память коллектива, выражающаяся в определенной системе записей и предписаний*» (Б.А. Успенский, Ю.М. Лотман).

По сути, мы имеем ряд уже упоминавшихся нами оппозиций: «достойно / недостойно», «обязательно / необязательно», «желательно / нежелательно», «возможно / невозможно», «допустимо / недопустимо», т. е. некоторую расшифровку базовой оппозиции «предписано или запрещено». Таким образом, культура может быть определена как «*мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой*» (В.Н. Телия), т. е. миропонимание, мироосознание и мироощущение некоторого сообщества (напомню, что применительно к русской культуре мы говорим о национально-лингво-культурном сообществе). По сути дела, речь идет о совокупности представлений (в самом широком смысле термина), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, понимают, интерпретируют, оценивают, объясняют (в первую очередь для себя), в конце концов, осознают окружающий их мир. Особо следует подчеркнуть, что данное видение далеко не всегда имеет рациональную природу. Скорее наоборот: как правило, оно иррационально. Но при необходимости и/или желании оно может быть отрефлексировано, правда, это всегда требует определенных усилий. В повседневной же практике это мировидение зачастую остается «невидимым» для отдельного представителя сообщества, хотя оно пронизывает все наше бытие. Более того, оно, формируясь в нас в процессе социализации, формирует нас как личность. Это мировидение ощутимо проявляется и становится заметным для представителя сообщества в том случае, когда он сталки-

вается с иным, другим, чужим и – тем более – чуждым. Таким образом, культура – это то, что творит нас и творимо нами, то, что постоянно воспроизводится человеком и в человеке, то, что постоянно и изменчиво, то, что неосознаваемо и в то же время рефлексивно, то, что лежит в основе (в данном случае – культурной) идентификации и самоидентификации личности.

В таком понимании культура некоторым образом соотносится с понятием КОЛЛЕКТИВНОЙ / СОЦИАЛЬНОЙ / ИСТОРИЧЕСКОЙ / КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ, которое получило распространение в XX веке. Сразу необходимо отметить, что нет единого, однозначно принимаемого всеми понимания того, что есть коллективная / социальная / историческая / культурная память, и разность того, что вкладывается в данный термин, зависит от позиций, на которых стоит тот или иной исследователь.

Например, Я. Ассман (который, не будучи семиотиком культуры, тем не менее во многом следует за Ю.М. Лотманом) и М. Хальбвакс (который во многом и инициировал еще в начале XX в. обсуждение данных вопросов) рассматривают социальную память как достояние некоторого сообщества. Однако при этом для М. Хальбвакса это своего рода «прижизненная память» коллектива, ограниченная временем жизни его членов, и по мере того, как меняется «состав» данного коллектива, меняется и его память (поэтому основным для самого М. Хальбвакса является понятие все-таки КОЛЛЕКТИВНОЙ памяти) [Хальбвакс. ЭР]. Для Я. Ассмана же КУЛЬТУРНАЯ память (обратим внимание на слово «культурная», которым в основном он и пользуется) есть форма трансляции культурных смыслов, протяженная во времени (формируется веками), она воспроизводится и заучивается последующими поколениями [Ассман. ЭР]. И в этом смысле понимание культурной памяти в концепции Я. Ассмана гораздо ближе к пониманию собственно культуры.

Следует отметить, что КУЛЬТУРА предстает как коллективная память, т. е. «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых», и в том случае, если рассматривать ее с точки зрения семиотики, о чем писал Ю.М. Лотман [Лотман 1992. ЭР]. Действительно, культура может пониматься как *пространство некоторой общей памяти*, т. е. такое пространство, в пределах которого могут сохраняться, актуализироваться и в определенном смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы. Для того чтобы это было возможно, необходимо наличие некоторого *смыслового инварианта*, что позволяет тексту / феномену / смыслу в контексте новой эпохи, несмотря на возможную вариативность истолкований, сохранять идентичность самому себе. Существование общей, коллективной памяти обуславливается, по Ю.М. Лотману, рядом факторов: должны быть некоторые

константные тексты и должны быть *единые коды* (или их инвариантность, или их непрерывность и закономерный характер их трансформации). Но при этом, конечно, следует обязательно сделать оговорку, что память культуры / культурная память не только едина, но и внутренне разнообразна, ибо предполагает наличие «диалектов памяти» и «локальных семантик» различных социумов, которые входят в данное (национально-)лингво-культурное сообщество. Однако в целом это не должно разрушать *принципиальное единство культуры*, иначе нельзя будет говорить о единой коллективной / общей / культурной памяти, а значит, и о единой культуре [Там же].

Таким образом, трудности в понимании в таких случаях будут обусловлены, вероятно, следующими факторами:

1) отсутствие единого набора «текстов» (в широком смысле), которые Лотман называл «константными», т. е. такими, которые воспроизводятся, которые актуализируются и к которым возобновляются апелляции в коммуникации; напр., романы «*Как закалялась сталь*» Н. Островского и «*Что делать?*» Н. Чернышевского перестали быть «константными»; имена *Стаханов, Матросов, Космодемьянская* уходят вслед за советской эпохой;

2) отсутствие единой системы оценок даже тех «текстов», которые являются общими; напр., образы *Чичикова* из «Мертвых душ» или *Лопатина* из «Вишневого сада» получают иные оценки;

3) отсутствие единой для всех инвариантности кодов и нарушение их непрерывности (разница в лексических средствах, отличия в значениях и смысле, стоящих за некоторыми языковыми единицами, различия в речевом и – шире – коммуникативном поведении); напр., многие советские анекдоты, построенные на игре слов, многие каламбуры тех времен оказываются сегодня «закрытыми» для современных носителей русского языка, которые не «не помнят», а просто не знают реалий того времени;

4) наличие «локальных семантик» и «диалектов памяти», которые значительно разнятся между собой, напр., ср. миры «чайников» и «лузеров», с одной стороны, и «продвинутых юзеров» – с другой; или «воображаемые миры», в которых живут сторонники и противники распада СССР и которые содержат принципиально разные оценки события 1991 года. Хотя следует отметить, что последнее явление существовало и раньше: далеко не всегда совпадали официальная пропаганда и реальные оценки и настроения (напр., тот же *Павлик Морозов*).

По мнению Ю.М. Лотмана [Лотман 1992. ЭР], взаимоотношения культурной памяти со временем сложны и неоднозначны. Культурная память предполагает *не только линейное накопление созданного, но и избирательность*. Каждая культура определяет свою па-

радигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению (вспомним в связи с этим легитимирующую функцию культуры). Отсюда «*синусоидный*» характер культурной памяти, когда всплески признания и периоды восторга могут чередоваться с требованиями «сбросить с корабля истории» (см. судьбу в культуре, скажем, *Пушкина, Достоевского, Есенина, Булгакова, Прокофьева, Неизвестного* и многих других). Как творческий механизм культурная память, с одной стороны, имеет *панхронный, континуально-пространственный характер*: актуализоваться и деактуализоваться могут «крупные» феномены, охватывающие разные эпохи и разные территории, вплоть до стилей, направлений и проч. С другой стороны, культурная память противостоит времени. Она сохраняет «*прошедшее как пребывающее*», прошлое как настоящее, прошедшее как существующее сейчас (ср. с идеей *Я. Ассмана* о присутствующих в культурной памяти ценностных идеях и «знании о прошлом», которые непосредственно связаны с актуальной ситуацией [Ассман. ЭР]). Из этого вытекает как минимум два, казалось бы, противоположных утверждения. Во-первых, с точки зрения памяти, *прошедшее не прошло*: если что-то хранится в памяти – оно там есть, если оно есть – оно существует, если оно существует – оно здесь и сейчас. И если это так, то новые тексты создаются не только в настоящем срезе культуры, но и в ее прошлом. С другой стороны, *смыслы в памяти культуры не «хранятся», но растут*. Тексты, образующие «общую память» культурного сообщества, не только служат средством дешифровки текстов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые. Данные размышления и позволили Ю.М. Лотману прийти к выводу, что «*память не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть ее текстообразующего механизма*», т. е. коллективная память есть активный процесс смыслопорождения, проходящий сквозь время [Лотман 1992. ЭР].

Сегодня представляется возможным выявить и описать некоторые основные свойства культурной памяти. Среди них выделяются: коллективность, системность, избирательность, динамичность, константность и изменчивость, линейность / нелинейность, панхронность, аксиологичность, комплексность / интегративность, проективность, действенность, функциональность. Рассмотрим их более подробно.

1. КОЛЛЕКТИВНОСТЬ. Все исследователи, которые в той иной степени подчеркивают именно коллективный / социальный характер культурной памяти (именно поэтому ее называют еще и коллективной или социальной). *Культурная память – это всегда достояние некоторого сообщества*. Культурная память самым непосредственным образом связана с культурой, которая понимается как некое простран-

во общей памяти, существующее постольку, поскольку существует некий смысловой инвариант. Для самой культурной памяти (ее «бытия») крайне важно наличие константных (общих в диахроническом плане) текстов / феноменов и единых (как в диахронии, так и в синхронии) кодов. Имеется в виду «общих», «константных», «единых» для представителей некоторого сообщества, что, несомненно, свидетельствует о коллективном характере самой культурной памяти.

2. СИСТЕМНОСТЬ. Культурная память основывается на закономерностях функционирования самой культуры, на системе смысловых и ценностных связей и отношений. Культурная память – *это не эклектический набор разрозненных фактов*, соединенных по хронологии или согласно любой отвлеченной концепции. В культурной памяти знание слито с пониманием, *культурная память не только хранит, но способна хранить именно потому, что она объясняет то, что хранит*. Культурная память является *воплощением единого знания в семантическом, ценностном и функциональном аспектах*.

3. ДИНАМИЧНОСТЬ. Культурная память – *непрерывный, динамический процесс*, в котором познание культуры неразрывно соединено с ее самопознанием (культура познает самое себя; этим, в частности, обуславливается и системность культурной памяти).

4. ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ. Культурная память, подобно самой культуре, избирательна, поскольку *связана с парадигмой определенной культуры*, диктующей, что следует помнить, а что – забыть. Избирательность самым непосредственным образом связана со следующим свойством культурной памяти.

5. ЛИНЕЙНОСТЬ / НЕЛИНЕЙНОСТЬ. Характер памяти, его *«прямолинейность»* или *«синусоидность»*, во многом зависит от того, какая сфера духовной деятельности человека находится в фокусе внимания: научные изыскания или искусство. В последнем случае могут иметь место многократные колебания от однозначной значимости и актуальности здесь и сейчас, до полного забвения (связано с избирательностью).

6. КОНСТАНТНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ. С одной стороны, культурная память хранит не только прижизненные воспоминания нынешних членов сообщества, но и «знания» о делах давно минувших дней (она формируется веками, воспроизводится и заучивается каждым последующим поколением). С другой стороны, существуют некие варианты интерпретации тех или иных феноменов, событий, происходят некоторые преобразования и трансформации интерпретаций и т. д. И для того, чтобы можно было говорить о единой коллективной / общей / культурной памяти, а значит, и о единой культуре, необходимо должен сохраняться

баланс между устойчивыми, постоянными «признаками» и масштабом и глубиной изменений.

7. ПАНХРОННОСТЬ. Это свойство культуры непосредственно связано с предыдущим и определенным образом обеспечивает константность культурной памяти. Панхронный характер обуславливается тем, что культурная память «охватывает» и включает в себя *над-временные и вне-временные феномены / тексты, события* и под.

8. АКСИОЛОГИЧНОСТЬ. Культурная память *ценностна*, поэтому она отторгает те факты, ту информацию, которые лишены ценностного содержания (связано с избирательностью). Культурная память *иерархична*, она задает систему ценностных ориентиров на основе иерархических связей и отношений и, вследствие этого, способна применять эту систему в реальности (связано с системностью).

9. КОМПЛЕКСНОСТЬ / ИНТЕГРАТИВНОСТЬ. Культурная память *не может быть замкнута в какой-либо одной сфере*, ибо оперирует ценностями и смыслами, то есть тем, что находится «над» отдельными фактами и явлениями (связано с аксиологичностью). Культурная память способна обнаружить философский и мировоззренческий потенциал любого предметного знания. Она принципиально стремится к пониманию единства мира, поэтому каждый факт оказывается вписан во множество ценностно-смысловых контекстов (связанно с системностью).

10. ПРОЕКТИВНОСТЬ. Культурная память *открыта в прошлое и будущее*, это проективное знание, она имеет реконструктивный характер и представляет прошлое как настоящее: прошлое не прошло, оно «здесь и сейчас».

11. ДЕЙСТВЕННОСТЬ. *Транслируемые культурные смыслы* не просто хранятся в культурной памяти, но *активизируются и «растут»*, они циркулируют «здесь и сейчас», воспроизводятся в коммуникации, используются при кодировании / декодировании текстов, лежат в основе порождения новых смыслов (связано с проективностью).

12. ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ. Культурная память функциональна, ибо она позволяет *узнавать и осмыслять прошлое и ориентироваться в современной реальности* на основе знания механизмов смыслового и ценностного порождения, заложенных в самой культуре. Помимо этого культурная память служит *основой формирования и стабилизация идентичности* некоторого сообщества путем поддержания чувства единства и собственного своеобразия его представителей (предопределяется всеми представленными выше свойствами).

И последнее. У культурной памяти есть ФУНКЦИИ, которые она выполняет. Если культурную память понимать вслед за Ю.М. Лотманом и Я. Ассманом, т. е. признавать наличие у нее признаков, во многом сближающих ее с собственно культурой, то функции культурной памяти оказываются такими же, как и у самой культуры: конгломерация, дифференциации, идентификация и легитимация.

Но принадлежность к той или иной культуре предопределяется еще и тем, каким запретам и предписаниям человек следует, какой системе ценностей он привержен. Ценности являются фундаментом всякой культуры, формируют ее ядро. При этом культура сама по себе может рассматриваться как определенная система ценностей.

Напомню, что самое общее понимание ЦЕННОСТИ сводится к тому, что она есть *значимость* (польза, полезность) некоторого множества объектов для множества живых существ. Если говорить более конкретно, то ценности – *это обобщенные представления о благах и приемлемых способах их получения, общепринятые убеждения относительно целей*, к которым человек должен стремиться, и *средств* деятельности человека. Именно ценности составляют основу нравственных принципов. Кстати, наиболее ярко ценности (как на уровне личности, так и на уровне общества) проявляются в ситуации кризиса или конфликта (вспомните любую кризисную / революционную ситуацию в любой стране мира: от Французской революции и событий в России в 1917 году до событий в странах Магриба и Ближнего Востока с конца 2010 вплоть до наших дней).

Итак, ценности – *это базовые этические и эстетические категории культуры* (такие, как добро, истина, красота). Они восходят к архетипическим представлениям человека, т. е. к тем представлениям, которые лежат в основе окультуривания мира человеком, в основе творения человеком космоса из хаоса, т. е. к первоосновам любой культуры. И, вероятно, именно в силу этого изначального акта «творения» (человеком космоса из хаоса) *носителем и выразителем культурных ценностей выступает именно человек-личность*, тем более что вся его жизнедеятельность разворачивается в определенной культурной среде.

Иногда ценность понимают как общепризнанную норму. И тут необходимо сразу же оговориться: речь в данном случае идет исключительно о КУЛЬТУРНОЙ НОРМЕ, но никак не о норме вообще и тем более не о норме в отношении языка. Итак, применительно к культуре, норма, т. е. КУЛЬТУРНАЯ НОРМА – это некое *устойчивое образование*, которое *задает образцы и стандарты поведения* и тем самым *определяет модели поведения* человека. А поскольку человек

всегда включен в общение, то культурные нормы задают определенные модели (паттерны) коммуникативного поведения. Через систему ценностей и норм осуществляется регуляция человеческой деятельности.

Итак, ценности (в любом их понимании) самым непосредственным образом связаны с культурой: они есть, если есть культура, и наоборот, если есть культура, то в ней обязательно есть ценности, которые *формируют определенную систему*.

Если мы рассмотрим СИСТЕМУ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ (культуры по Ю.М. Лотману, В.Н. Телия, Я. Ассману), то мы увидим, что на первый план зачастую выходят духовные и морально-нравственные ценности, образующие собственную иерархию. Что в этой системе находится на верху иерархической пирамиды, являясь самой важной, самой значимой ценностью, а что принадлежит периферии, зависит от каждой конкретной культуры.

И опять же мы можем найти определенные параллели с идеями, которые высказываются представителями разных наук. Для многих сегодня совершенно очевидным является то, что ценности связаны с культурой, что культуры все различны и что, соответственно, существует значительная разница в восприятии ценностей представителями разных культур. Это восприятие зависит и от индивидуальных предпочтений и установок личности, и от универсальных ценностей, которые являются совокупностью идеалов, принципов, нравственных норм и имеют приоритетное значение в жизни человека независимо от его социального положения, этнической / национальной принадлежности, вероисповедания и т. д. Так, основные ценности и нормы сформулированы в основных морально-нравственных наставлениях всех мировых религий и этических систем, и поэтому весьма затруднительно найти в какой-либо культуре однозначное одобрение, например, убийства как такового. Однако в разных культурах за подобное деяние предполагаются разные наказания. Более того, то, что в одних культурах воспринимается как преступление против личности (например, кровная месть, охота за головами и под., даже активное противостояние агрессору), в других – может не расцениваться как собственно убийство: вспомним известный случай с Виталием Калоевым (в 2008 году) или знаменитое стихотворение К. Симонова «Убей его!». Таким образом, ценности, распространенные повсеместно, одинаковые или сходные по содержанию, усваиваются всеми культурами как необходимая часть, они вечны и обязательны для всех сообществ, но конфигурация ценностной системы, соотношение и взаимодействие элементов внутри нее являются продуктом той или иной культуры.

Однако у ценностей как таковых есть еще одно свойство, независимое от конкретной культуры (помимо того, что их наличие обязательно

для любой культуры), – это их способность выполнять определенные функции. Поскольку ценности являются неотъемлемой частью культуры, они выполняют те же функции, что и сама культура и культурная память: дифференцирующую, конгломерирующую, идентифицирующую и легитимирующую. Но в данном случае на первый план выходит именно легитимирующая функция, т. к. именно ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ, с одной стороны, *задает определенную систему координат* (в том числе через систему эталонов, разговор о которых впереди) и *обуславливает ценностные установки и оценки* тех или иных феноменов, явлений, событий и под. и тем самым *предопределяет их приятие / неприятие*, с другой – *«узаконивает» определенные паттерны (модели) поведения*. Таким образом, легитимирующая функция, которую выполняют культурные ценности, предстает в двух ипостасях (формах проявления): как собственно АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ (ценностная) и как РЕГУЛЯТИВНАЯ. Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ легитимирующая функция ценностей культуры проявилась, например, в получившем широкую огласку скандале с карикатурами на пророка Мухаммеда, которые были напечатаны в одной из датских газет в 2005 году: то, что казалось, вполне безобидным для европейцев-немусульман, было воспринято как прямое святотатство и страшное оскорбление мусульманским сообществом. Или, например, вспомним храмы Камасутры в Кхаджурахо, каменные барельефы которого долгое время оценивались европейцами как «отвратительно непристойные».

РЕГУЛЯТИВНАЯ легитимирующая функция культурных ценностей проявляется в стереотипах поведения, которыми пронизана наша повседневная жизнь: можно или нельзя дотрагиваться до своего собеседника во время разговора, следует мужчине или недопустимо подавать руку женщине, выходящей из транспорта, достойно или недостойно хвалиться собственными достижениями или сообщать экзаменатору, что сосед по парте списывает, и т. д. (этим вопросам будет посвящена наша последняя лекция).

Говоря о ценностях культуры и об их иерархии, нельзя забывать о том, что сама *система ценностей подвержена изменениям*. В связи с этим в культурах время от времени возникают опасения, что может произойти размывание культурного, ценностного ядра, подмена «своих» ценностей «чужими» (вспомним активное сопротивление «американизации», отмечаемое во многих странах как Европы, так и Азии). Однако следует иметь в виду, что ценности ядра любой культуры невозможно изменить простым доказательством их несостоятельности или демонстрацией более привлекательных ценностей, хотя существуют

способы воздействия на систему ценностей с целью ее изменения. При этом такие изменения проходят сравнительно медленно, даже при целенаправленном мощном воздействии, а исчезает ядро ценностей культуры вместе с самой культурой. И чем более разнообразны культурные ценности и смыслы, тем более устойчива культура в ситуациях внутренних или внешних кризисов, тем более высокую степень выживаемости она имеет.

Тем не менее, ценности можно формировать, и на ценности можно влиять. Существует несколько глобальных методов формирования ценностей, в основном связанных с образованием, с внутренней или внешней (по отношению к данному сообществу) пропагандой определенных ценностных понятий, ориентиров, установок. В рамках нашего разговора мы остановимся на двух важнейших способах формирования и поддержания культурных ценностей – «ЕСТЕСТВЕННОЙ» ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ (в дальнейшем будем использовать это сочетание без кавычек) и НАВЯЗЫВАНИИ ПОВТОРОМ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ может быть определена как *возобновляемость / повторяемость в коммуникации устойчивых феноменов, которая предопределяется и диктуется культурой и зачастую не осознается человеком* – субъектом языка, культуры, коммуникации, ни в процессе порождения, ни в процессе восприятия. Мы ведь обычно не отдаем себе отчета в том, что, называя кого-либо *лисой* или *Сусаниным*, сравнивая какого-либо человека с *надоедливой мухой* или какое-либо событие с *Хиросимой* и т. д., мы на самом деле не придумываем образы, к которым мы апеллируем (обращаемся). В данном случае мы «берем» образы и культурные смыслы, которые уже существуют в нашей культуре, т. е. по сути, мы их воспроизводим.

Почему выбирается та или иная единица? Почему происходит апелляция к уже готовым образам и смыслам? Это объясняется тем, что автору (говорящему) всегда необходимо найти ту единицу (в данном случае мы говорим в первую очередь о вербальных единицах), которая в наибольшей степени соответствует тому индивидуально-субъективному смыслу, который необходимо облечь в некоторые знаки, чтобы сделать смысл доступным / понятным реципиенту. И тут культура может предоставить уже «готовый материал», который к тому же может сразу обеспечить реципиенту «образное» понимание без сложного декодирования большого текстового материала. Ср.: с одной стороны, *«Будь с ней поосторожней. Она опасный, коварный человек, способный предать, причем в самую трудную минуту, когда ты этого не будешь ждать, особенно от нее»* и т. п.; с другой – *«Будь с ней поосторожнее. Она настоящая змея (подколотная)»*. Конечно, такое взаимопонимание

автора и реципиента (того, кто порождает текст, и того, кто его воспринимает) возможно только тогда, когда автор точно «считал» и «просчитал» реципиента и (1) апеллировал к «подходящему» образу / смыслу и (2) выбрал «правильный» репертуар средств. В таком случае мы видим конкретную иллюстрацию знаменитой метафоры А.А. Потебни: когда от одной свечи зажигают другую свечу, то на самом деле пламя первой свечи не делится на две части, но позволяет вспыхнуть огню на фитиле другой (вспомним, что А.А. Потебня проводил эту аналогию между свечой и мыслью, рассуждая как раз о связи мысли и слова [Потебня 1989]). И в том, что обсуждается сейчас, происходит то же самое: есть образ, к которому апеллирует автор, при этом автор использует единицу, выступающую в роли имени этого образа, и это имя вызывает в сознании реципиента некоторый образ. Успешное воздействие и успешная коммуникация будут иметь место тогда, когда образ, к которому обратился автор, и образ, который возник у реципиента, в той или иной степени тождественны (полного тождества быть не может). Определенное тождество (скорее – конгруэнтность) данных образов достигается во многом благодаря тому, что в самой культуре есть некий образ (в данном случае *змеи*) и определенные культурные смыслы, с этим образом связанные, и вот именно они лежат в основе и образа *змеи* у автора, и образа *змеи* у реципиента, проявляясь в этих образах и обеспечивая их определенное тождество / конгруэнтность. Таким образом, получается, что в коммуникации так или иначе воспроизводятся культурные смыслы и образы культуры. То, что они являются достоянием не отдельных личностей, но сообщества в целом, доказывается их использованием, например, в телевизионной рекламе. Так, в одном из роликов молодая жена предлагает свекрови жарить рыбу не на сливочном масле, а на подсолнечном – самом лучшем (которое рекламируется), которое специально для нее и купили; довольная свекровь прячет бутылку со словами «Ох, лиса!»; конец ролика. См. также:

– А чего у вас такие большие уши? – с обидой спросил я, указывая пальцем на уши гомеопата, которые действительно делали его похожим на пожилого *Чебурашку*. *П. Санаев, Похороните меня за плинтусом.*

Гроссмейстер Анатолий Вассерман стал одесской политической *Кассандрой* в 1985 году, когда к изумлению коллег из НИИ, вычислил, что на смену умершему Черненко к власти придет Михаил Горбачев. *МК, 01.11.2005.*

Все делалось для того, чтобы создать в обществе мнение о том, что глава правительства ведет страну чуть ли не к *1937 году*. *Е. Примаков, Восемь месяцев плюс...*

Зал заревел. <...> Горкомовец, закинув очки на лоб, строчил с чисто **болдинским вдохновением**. Ю. Поляков, *Замыслил я побег...*

... Пока я писал тебе это бесконечное, несусветное это письмо, наступило утро. Огрызок моей задутой свечи похож на **пенек для Колобка, каким его мастерит художник кукольного театра**. Д. Рубина, *Синдром Петрушки*.

В связи с последним примером следует отметить, что даже в тех случаях, когда есть установка на творчество и автор предлагает свои образы, он делает это все равно с опорой на уже существующие в культуре образы и культурные смыслы, ибо иначе авторские «инновации» могут оказаться непонятными и тем самым закрытыми для реципиента. Подобная «закрытость» часто встречается тогда, когда автор и реципиент принадлежат разным культурам (от национальных / этнических до субкультур). В следующем примере для понимания необходима информация, представленная в сноске:

– Есть один довольно странный тип, с которым Ричард очень подружился. Не знаю, может, он заимел над ним такую власть... вроде какого-нибудь **Свенгале**. <...> Он все время разговаривает с ним по телефону. Раньше он отстаивал собственное мнение, а <...> теперь он можно сказать, даже в сортир не ходит, не спросив у своего друга на то разрешения. *Питер Джеймс, В плену снов*.

Сноска: В романе «Трибли» малоизвестного в России английского писателя Джорджа де Мореа (1834-1896) действует зловещий гипнотизер Свенгале, заставляющий людей выполнять его преступные приказы. Имя Свенгале стало в Англии нарицательным.

Итак, и культурные смыслы, и образы, и даже «формы» (знаки, вербальные знаки) для таковых воспроизводятся потому и именно потому, что именно они оказываются наиболее оптимальным вариантом для выражения изначальной «мысли» / изначального «замысла» автора. Иначе говоря, в основе ЕСТЕСТВЕННОЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ лежит, как правило, собственно потребность автора, которую он пытается удовлетворить в процессе и благодаря коммуникации наиболее оптимальным для себя образом. Крайне важно, что естественная воспроизводимость *обеспечивает воздействие на реципиента именно с опорой на существующий образ мира, на саму культуру* (как мировидение). И по сути своей ЕСТЕСТВЕННАЯ ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ есть *способ поддержания культуры и межпоколенной ее трансляции*, поскольку ее основной *социо-культурной функцией* является, по-видимому, именно *сохранение сообщества и его культуры*.

Что касается НАВЯЗЫВАНИЯ ПОВТОРОМ, то он есть *некий способ (и механизм) сделать воспроизводимость того или иного*

феномена «естественной». И поскольку в коммуникации воспроизводятся культурные смыслы и образы, то очень важно, чтобы воспроизводились определенные смыслы и определенные образы (они связаны, в том числе, и с системой ценностей). Из этого вытекает, что в основе навязывания повтором всегда лежит социальный, идеологический и под. заказ, который имеет, в том числе, цель сформировать или изменить определенным образом определенный фрагмент образа мира реципиента. Иначе говоря, повтор есть некий *инструмент* воздействия на культуру. Таким образом, *НАВЯЗЫВАНИЕ ПОВТОРОМ – это способ формирования и изменения культуры, способ воздействия на культурное ядро, ибо его основной социо-культурной функцией является формирование / трансформирование сообщества и его культуры.*

Об этом в свое время писал еще А. Грамши, создавший теорию о гегемонии и во многом заложивший основы современного манипулирования массовым сознанием (подробнее см.: [Грамши. ЭР; Кара-Мурза 2003]). Напомню, что гегемония, по А. Грамши, есть «активный консенсус», это состояние (не застывшее, но динамичное, изменяющееся), когда достигнут определенный, достаточный уровень согласия «социальной группы, выражающей данную культуру» (справедливости ради отметим, что в основном речь шла все-таки о государстве). При этом своего рода «броней» для гегемонии (консенсуса, согласия) является принуждение. Гегемония опирается на, говоря современным языком, иерархию ценностей и систему (ценностных) эталонов, т. е. на некую «систему координат» культуры, на то, что «хранится» в культурной памяти и структурируется в когнитивной базе. Иначе говоря, гегемония опирается на КУЛЬТУРНОЕ ЯДРО, которое понимается как *совокупность представлений о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о человеке и окружающем его мире, культурное ядро* включает в себя множество символов, эталонов, образов, культурных смыслов, ритуалов, обычаев, традиций и под., а также знания, опыт и достижения предшествующих поколений. И пока это ядро стабильно и устойчиво (в частности, это значит, что верования укоренены «в сознании народа с императивной живучестью» и обладают «императивностью в насаждении норм поведения»), в обществе есть «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Разрушение этой воли и культурного ядра – условие революции, которое создается путем вторжения именно в культурное ядро. Воздействовать в культурном ядре, по мнению А. Грамши, надо в первую очередь на обыденное сознание, на повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. При этом самым эффективным способом воздействия на сознание масс является *неустанное повторение* одного и

того же, ибо «массы как таковые не могут усваивать философию иначе, как веру». Иначе говоря, определенные утверждения, идеи, сентенции, содержащиеся в том числе и оценки людей, предметов, событий и проч., определенные деятели и события, которые выступают в роли эталонов и имена которых постоянно повторяются, должны перестать восприниматься разумом, они должны стать своего рода постулатами и отправными точками для всех последующих действий, рассуждений, оценок. Кстати, во время президентской предвыборной кампании 1996 года основным для лагеря Б.Н. Ельцина был слоган: «Голосуй сердцем!» (без комментариев). Иначе говоря, речь идет именно о НАВЯЗЫВАНИИ ПОВТОРОМ определенных установок, ориентиров, оценок, ценностей. На этом построена, в частности, любая реклама: от сугубо коммерческой до политической и социальной.

Можно со всей определенностью сказать, что НАВЯЗЫВАНИЕ ПОВТОРОМ – это СПОСОБ ВНУШЕНИЯ, более того, это СПОСОБ МАНИПУЛЯЦИИ. В отличие от этого ЕСТЕСТВЕННАЯ ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ может использоваться при любом способе воздействия: и при ВНУШЕНИИ (включая МАНИПУЛЯЦИЮ), и при УБЕЖДЕНИИ.

Проведем следующую аналогию. Рассмотрим две ситуации.

1. Я постоянно произношу звуки / пишу буквы, и путем привлечения, увлечения, завлечения, прельщения, даже принуждения я вынуждаю других неустанно повторять мои действия; и делаю я это для того, чтобы эти «другие» научились «правильно» произносить / писать *нужные мне* звуки / буквы, доведя свои навыки до автоматизма. Если угодно, до естественного их воспроизведения. Этому подобно НАВЯЗЫВАНИЕ ПОВТОРОМ. (В скобках заметим, что принуждение не является способом манипуляции.)

2. В процессе коммуникации я произношу звуки / пишу буквы *так и такие*, чтобы мой собеседник *мог воспринять* то, что я говорю / пишу, чтобы он *мог понять*, что я хочу сказать, и *сделать* то, что я от него хочу. С этим схожа ЕСТЕСТВЕННАЯ ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ.

И, наконец, еще одно важное для современной науки понятие – *НОМО LOQUENS* (ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ), который может быть определен как личность-носитель сознания, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (в широком смысле данного термина: говорение – слушание – чтение – письмо, а также осмысление, необходимо требующее участия языка). Как известно, чтобы стать личностью, необходимо пройти процесс социализации, т. е. освоить, усвоить и присвоить (интериоризовать) достижения культуры, созданные предшествующими поколениями. Таким образом, основным содержанием процесса социализации является межпоколенная трансляция *КУЛЬТУРЫ* (ее ценностей, оценок, установок, традиций, предпочтений, запретов и

под.). Основным (но не единственным) каналом, посредством которого это происходит, и основным (опять же не единственным) инструментом формирования личности как члена сообщества является *ЯЗЫК*. Происходить социализация может только в *КОММУНИКАЦИИ*, ибо коммуникация – это одновременно среда, канал и средство-способ «жития» и трансляции самой культуры. Без коммуникации человек не может стать личностью, и именно в коммуникации человек живет как личность. Помимо этого, коммуникация – это канал и способ, посредством которого *СООБЩЕСТВО* себя являет, транслирует и трансформирует. Результатом социализации является личность, человек говорящий, носитель сознания. *СОЗНАНИЕ* (при этом, по А.Н. Леонтьеву, «индивидуальное сознание человека возможно лишь в условиях существования сознания общественного» [Леонтьев 1972: 283]) всегда культурно маркировано и культурозависимо, ибо формируется в процессе социализации, в условиях определенной культуры, в пределах определенных сообществ (от семейного до национально-лингво-культурного). Иначе говоря, *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ формируется как личность, как носитель СОЗНАНИЯ, как полноправный член некоторого СООБЩЕСТВА* (некоторых сообществ) *именно в КОММУНИКАЦИИ, впитывая в себя КУЛЬТУРУ* данного сообщества с помощью (в том числе) *ЯЗЫКА* данного сообщества. Следовательно, можно утверждать, что человек говорящий есть *объект* (творение) языка, культуры, коммуникации. Однако социализованная личность не есть раз и навсегда застывшая данность: человек-личность постоянно претерпевает определенные изменения в процессе бесконечного накопления прижизненного опыта и под влиянием множества факторов: от событий сугубо личной жизни до изменений общего историко-социо-культурного контекста (подробнее об этом позже).

Далее, человек (по В. фон Гумбольдту [Гумбольдт 1983]) не только «сплетает язык внутри себя» в процессе (в первую очередь) социализации, но и «вплетает себя в язык» на протяжении всей своей жизни. Как уже неоднократно говорилось разными исследователями, язык связан с культурой отношениями двунаправленной зависимости, которая предполагает взаимодействие, взаимовлияние и взаимообусловленность языка и культуры: как культура не может существовать без языка, так и язык немислим вне культуры.

Так, например, Э. Сепир, не признавая настоящей причинной зависимости между культурой и языком, считал, что содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка и что содержание языка неразрывно связано с культурой (которая понимается им как «ценностный отбор, осуществляемый обществом», «отобранный инвентарь опыта», что соотносимо с пониманием культуры и культурной

памяти по Ю.М. Лотману и Я. Ассману). И если язык, как писал Э. Сепир, «есть то, как думают», то «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает» [Сепир 1993: 42, 185, 193-194, 226]. Это утверждение вполне распространимо и на человека – члена сообщества. И поскольку человек говорящий в процессе своей жизни постоянно осуществляет какую-либо деятельность, т. е. все время что-то «думает», «делает» и «говорит» (даже если внешне кажется, что он ничего не делает), то мы можем смело утверждать, что *язык и культура тесно сплетены в самом человеке и всегда стоят за любым проявлением его жизнедеятельности*. Как уже говорилось, деятельность человека (и, соответственно, сама личность) всегда включена в общение, даже тогда, когда внешне человек остается один [Леонтьев 1961: 14]. Это значит, что жизнедеятельность человека, в которой обязательно проявляются сознание, язык и культура, протекает в рамках некоторого сообщества в условиях именно коммуникации и именно в коммуникации и через коммуникацию осуществляется. Таким образом, *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ*, будучи носителем *СОЗНАНИЯ* и находящийся в непрерывном процессе *КОММУНИКАЦИИ* в рамках некоторого *СООБЩЕСТВА*, «сплетающий внутри себя» *ЯЗЫК* и *КУЛЬТУРУ* и «вплетающий себя» в *ЯЗЫК* и *КУЛЬТУРУ*, оказывается не только объектом, но и субъектом (творцом) языка, культуры, коммуникации.

Итак, мы получили сложную фигуру-многогранник, в центр которой может быть поставлен *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ* (осуществляющий речевую деятельность носитель сознания, представитель разных сообществ), а ее вершины представлены взаимосвязанными и взаимодействующими феноменами: *ЯЗЫК* (того сообщества / тех сообществ, членом которого / которых является человек) – *СОЗНАНИЕ* (формируемое в процессе коммуникации, протекающей в рамках некоторого сообщества, в условиях некоторой культуры и осуществляемой на некотором языке) – *КУЛЬТУРА* (ни одно сообщество без культуры немислимо) – *КОММУНИКАЦИЯ* (в которой принадлежность человека тому или иному сообществу, с одной стороны, формируется, с другой – проявляется) – *СООБЩЕСТВО* (от семейного до национально-лингво-культурного). Совершенно очевидно, что столь многоплановый, многомерный и многогранный объект не может изучаться в рамках отдельных конкретных наук, но должен явиться предметом исследований интегративного характера.

Л и т е р а т у р а

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. ЭР.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2012. – Вып. 44. – 112 с. ISBN 978-5-317-04129-8

- Арнаутова Ю.А.* Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С.47-55.
- Ассман Я.* Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. ЭР.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. ЭР.
- Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. ЭР.
- Грамиш А.* Тюремные тетради. ЭР.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды. М., 1983.
- Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2003.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев А. Н.* Человек и культура. М., 1961.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М., 1972.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
- Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. ЭР.
- Потебня А. А.* Слово и миф. М., 1989.
- Розениток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1994.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. М., 1996.
- Федоров С.В., Николаев О.Р.* Понятие культурной памяти. Структура и формы ее актуализации. (Размышления о целях и задачах гимназического образования в современной социокультурной ситуации). ЭР.
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память. ЭР.
- Энциклопедия «Культурология. XX век». ЭР.